

ЧЕЛОВЕК-ГОРА ФРАНЦУЗСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Франсис Карсак (настоящее имя Франсуа Борд) родился 30 декабря 1919 года в Перигоре. Всю свою жизнь он будет связан с этими местами, играющими важную роль в истории первобытного общества, — там же писатель будет и похоронен.

В семь лет Франсуа вырезал из камня наконечники для стрел и стрелял ими из лука по птицам в фамильном парке; юношей, а позднее и зрелым мужчиной безудержно раскапывал доисторические поселения в долинах Сены и Дордони, а в конце жизни — на берегах реки Мерчисон, в Западной Австралии... То был его собственный способ узнать что-либо о происходившем много тысячелетий назад, в прошлом, когда древние цивилизации, жившие в совсем иной, нежели наша, природной среде, за счет эволюции и адаптации добывались значительных антропологических и культурных преобразований. С десятилетнего возраста и до самой смерти он регулярно перечитывал «Борьбу за огонь» Ж. А. Рони-старшего (с этой книгой из «нельсоновского собрания» он никогда не расставался), а также произведения других авторов — например, «Войну миров» Г. Дж. Уэллса.

В шестнадцать лет Франсуа сдал экзамены на степень бакалавра, после чего поехал в Индокитай, где муж его сестры служил колониальным управляющим.

Через четыре года после его возвращения во Францию началась война. Франсуа Борд был мобилизован. Затем пришло поражение... В период оккупации он возобновил свои занятия в университетах Бордо и Тулузы. Там он встретил свою будущую жену, Денизу де Сонвиль, впоследствии тоже ставшую археологом. В течение некоторого времени, чтобы уклониться от S. T. O.¹, он вынужден был работать в шахте, добывая бурый уголь, после чего вместе с женой присоединился к Сопротивлению. Затем наконец наступило освобождение. При штурме немецких частей близ Руаяяна Франсуа Борд был серьезно ранен: в него

---

¹ S. T. O. (Service du travail obligatoire) — обязательная трудовая повинность, принудительный выезд и работа на заводах в Германии.

попало около пятидесяти осколков гранаты. Его бумажник во внутреннем кармане остановил один из них около сердца.

«Выкарабкался я просто чудом, — вспоминал сам Борд. — После того ранения я получил вторую жизнь».

О своем здоровье Франсуа Борд говорить не любил. Он во всех смыслах оставался Человеком-Горой. Таким же, как Тераи Лапрад из «Львов Эльдorado». И как у Лапрада, под львиной внешностью у него скрывалось доброе сердце.

Писать Франсуа Борд начал еще до Второй мировой войны, но самый первый его роман, «На бесплодной планете», написанный в 1943–1944 годах, когда Борд сражался в рядах французского Сопротивления, вышел в свет только через пятнадцать лет после смерти автора, в 1996 году. Сам Франсуа в интервью 1967 года фэнзину «Lunatique» отзывался об этом романе так: «Мой первый роман? Он так и остался неизданным... Да он мне, по правде сказать, самому не нравится. С этой книгой связана одна история... Во время войны, прежде чем вместе с другими студентами уйти в подполье, я работал шахтером в Дордо-ни. Как-то раз мои товарищи попросили меня рассказать им что-нибудь интересное. А для меня это — раз плюнуть. Вот я и сочинил одну такую байку. Позднее она превратилась в роман. Но это было произведение дебютанта, не отличавшееся цельностью и полное несуразностей».

Превосходное знание английского языка (он писал свои статьи по палеолиту и геологии четвертичного периода на английском) и частые поездки по работе в США открыли Франсуа Борду американскую научную фантастику, а с некоторыми американскими писателями-фантастами, такими как, например, Пол Андерсон и Лайон Спрэг де Камп, он даже дружил семьями. Но предоставим слово им самим.

«Работа писателя порой вознаграждается самым неожиданным образом, — говорит Пол Андерсон. — Моя дружба с Франсуа Бордом стала результатом статьи, которую я опубликовал в 1954 году в одном научно-фантастическом журнале и где пытался поправить некоторые широко распространенные ложные представления о первобытном человеке. Так вышло, что я и сам сделал несколько ошибок, и он написал мне по этому поводу любезное письмо. Я ответил, и вскоре мы уже вели постоянную переписку. Спустя несколько лет он впервые приехал в США в качестве приглашенного профессора. Когда он завершил свои дела, моя супруга и я позвали его к нам в гости. Он принял приглашение и пробыл у нас неделю, на протяжении которой мы возили его по всему региону.

Это был очаровательный гость, преисполненный юмора и жадности жизни, всегда находивший для нас какие-то интересные истории. Естественно, нас завораживала его работа... в частности, его новаторский

труд по воссозданию палеолитических технологий изготовления каменных изделий. Я прекрасно помню, как в один из дней, когда мы шли вдоль берега моря, он продемонстрировал нам, как это делалось в те далекие времена; затем остановился ненадолго передохнуть и разбросал все фрагменты, чтобы не вводить в заблуждение будущих коллег! В другом посещаемом туристами месте, на берегу океана, где, вероятно, бывает миллион человек в год, он вдруг остановился на усыпанной гравием аллее и показал нам небольшие обломки камней, свидетельствовавшие о том, что в этом месте когда-то находилось индейское поселение, оставшееся незамеченным даже археологами. Он изготовил для нас несколько кремнёвых и обсидиановых наконечников, которые мы храним до сих пор. Ближе к концу своего пребывания у нас он пожелал преподнести моей жене необычный подарок. В лавке, где продавались минералы, он нашел фрагмент авантюрина — искусственного, стекловидного и очень красивого материала.

Из этого камня он намеревался вырезать наконечники для стрел, которые она могла бы носить как украшение. На моих глазах он принялся за работу с помощью кусочка оленьего рога, и я узнал немало французских ругательств: камень никак не желал раскалываться должным образом. Тем не менее он проявил настойчивость, и теперь эти наконечники являются предметом гордости в коллекции моей супруги.

Всякий раз, когда это было возможно, он гостил у нас снова и снова. Мы всегда заранее ждали этих okazji. Мы и сами дважды приезжали к нему и его жене в гости, когда были во Франции. В первый раз мы пробывали у них довольно долго, и нас принимали с потрясающим гостеприимством. Нам показали прекрасный регион, департамент Дордонь, — не только места археологических раскопок, относящиеся к доисторическому периоду, но все, что было здесь интересного, — причем столь полным образом, что у нас сложилось впечатление, будто мы прожили там порядочное время.

Второй наш визит оказался более коротким и продлился всего двое или трое суток, но нам опять показывали днем потрясающие вещи, а вечера мы проводили за душевными разговорами и после пары-тройки стаканов вина даже пели песни.

В промежутках между этими встречами мы обменивались многочисленными письмами, так как в основном имели схожие вкусы. Даже когда мы в чем-то не соглашались друг с другом — порой это случилось на почве политики, — наши противоречия всегда были дружескими и интересными (это вовсе не означает, что Франсуа принадлежал к типу людей спокойных и мирных; он мог прийти в состояние внезапной ярости, когда имел на то вескую причину; опять же, в прошлом он был героем Сопротивления). Каждому из нас нравились произведения другого, и мы взяли за привычку обмениваться экземплярами

всего того, что издавали. Он лично перевел для журнала „Фиксьон“ один из моих рассказов, действие которого происходит во Франции эпохи палеолита¹.

Будучи ученым честным и справедливым, он добавил кое-какие примечания, поясняющие допущенные мною ошибки. Одно из них касалось саблезубого тигра. Он указал на то, что, хотя в Америке в тот период это животное все еще обитало, в Европе оно уже вымерло. В частной переписке он заметил мне следующее: „Мне кажется, что хищники с длинными зубами и сейчас сохраняются в Америке дольше“.

Я, в свою очередь, всегда хотел перевести его научно-фантастические рассказы для англоязычной публики, которой они, несомненно, пришлись бы по вкусу. Но у меня все никак не находилось на это времени и наверняка уже не найдется. Надеюсь, это сделает кто-то другой.

Он разделял мою недоверчивость по отношению к так называемому интеллектуальному классу: нам обоим больше нравились люди, мысли и действия которых имеют практическую направленность. Тем не менее нам обоим было присуще одно широко распространенное среди интеллектуалов пристрастие — к хорошей фолк-музыке и современным балладам. Я и моя жена часто слушаем полученные от него в подарок записи. Все это не подразумевает, что Франсуа так или иначе восхищался невежеством или вульгарностью. Напротив, то был один из самых образованных и гуманных людей, каких я когда-либо знал».

Вспоминает Лайон Спрэг де Камп: «У Франсуа было множество друзей-американцев; Андерсоны, моя супруга и я также входили в их число. Мы навещали Франсуа во время его летних раскопок в Дордони. Нам показывали знаменитые пещеры, такие как Фон-де-Гом, Кап-Блан, Лез-Эзи и Ложери-От; две первые украшены наскальными изображениями эпохи палеолита, представляющими мамонтов, бизонов, диких лошадей, львов и других животных последнеледникового периода.

Когда моя жена Кэтрин и я были у него в гостях в 1968 году, нам довелось услышать его объяснения о технике изготовления каменных изделий первобытных людей, после чего он продемонстрировал, как это делалось. Затем он позволил мне самому произвести кое-какие раскопки: они заключались в том, чтобы соскрести миниатюрной лопаткой грунт с твердыми вложениями и поместить его в небольшое медное ведро. Дважды я решил было, что нашел палеолитические предметы, но то оказалась обычная галька.

---

¹ Пол Андерсон. Далекие воспоминания (The Long Remembering), рассказ 1957 года.

В другой раз мы нанесли ему визит вместе с семьей наших друзей. В то время, если кто-то желал провести раскопки в пещерах, нужно было получить его, Ф. Борда, разрешение. Когда мы прибыли в пещеры, Франсуа обнаружил, что кто-то копал там без оного. Личность виновного установить оказалось нетрудно, вместе с ним был какой-то паренек, который забыл там кепку с проставленной на ней фамилией. Легко выходявший из себя Франсуа бросился в деревенский полицейский участок и разбудил дремавшего в своем кабинете полицейского:

— Месье! Совершено ужаснейшее преступление! Вы должны немедленно послать рапорт в Париж, в Сюртэ, кабинет такой-то! В пяти экземплярах!

Ошеломленный флик¹ объяснил, что он не в курсе этого правонарушения, что ему никогда не доводилось бывать в подобной ситуации и что он просто-напросто не знает, как составлять такой рапорт.

— Писать же вы умеете, не так ли? — продолжал неистовствовать Франсуа.

— Да, месье, писать я умею.

— Тогда я продиктую, а вы пишете! В пяти экземплярах!

Утомленный блюститель порядка вставил в печатную машинку формуляры и копировальную бумагу и принялся печатать. Необходимо было представить свидетелей правонарушения, и ими стали Джон и Мэделин Дейл. Бедный полицейский верно записал их имена, но, когда спросил адрес и услышал, что они проживают в Галф-Миллс, Коншококен, штат Пенсильвания, пришел в отчаяние. Он воскликнул:

— Но это же не французский адрес!

— Это уже не ваше дело; продолжайте! — Франсуа был неумолим.

— Но это хоть в христианской стране? В цивилизованной?

— Месье! — сурово произнес Франсуа. — Господин и госпожа Дейл живут неподалеку от Филадельфии. В Филадельфии есть французский консул; а там, где есть французский консул, есть и цивилизация!

Можно ли представить себе что-то более французское?»

В начале 50-х годов Франсуа Борд продолжал занятия в Парижском университете. В это время научная фантастика, во многом подражавшая американской, робко внедрялась во Франции книжной серией «Рэион фантастик» («Фантастический луч»), журналами «Фиксьон» и «Галакси».

В 1951–1952 годах, параллельно с работой над диссертацией по геологии, Франсуа Борд написал роман «Пришельцы ниоткуда», предложив его для серии «Рэион фантастик» под псевдонимом Франсис Карсак. Причина взятия псевдонима простая: ученые мужи того

---

¹ Флик — полицейский (фр., жарг.).

времени относились с определенным недоверием к любому почитателю научной фантастики, а Франсуа Борд собирался строить серьезную научную карьеру. (Карсак — название деревушки, расположенной неподалеку от Сарлата, что в департаменте Дордонь; в ней Борд когда-то лично руководил раскопками на месте одной из палеолитических стоянок.)

Вот что говорил об этих романах Франсуа Борд: «„Робинзонов космоса“ я написал, даже не помышляя о том, чтобы когда-либо выпустить их в виде книги. Затем, примерно в то же время, когда появилась серия „Рэион фантастик“, я завершил свой третий роман — „Пришельцы ниоткуда“. Я предложил его — он был принят и издан. У меня даже попросили еще один. Тогда я вернулся к рукописи „Робинзонов“ и создал из нее роман, сильно отличавшийся, как мне кажется, от изначального варианта. Эта книга, из всех мною написанных, имела наибольший успех. Она была переведена на испанский, итальянский, румынский, болгарский и русский. В России ее публикация обернулась настоящим триумфом. Там, за железным занавесом, этот роман очень нравится читателям».

В то время Франсис Карсак посещал книжный магазин «Баланс», принадлежавший Валери Шмидту, — магазин, который являлся настоящей штаб-квартирой парижских фантастов; здесь встречались Филипп Кюрваль, Жак Бержье, Шарль Эннеберг, Жерар Клейн и другие писатели. Сам не подозревая того, Франсис Карсак начал литературное течение, вызвавшее тогда у многих читателей психологический шок.

В 1956 году, став доктором наук, Франсуа Борд получил кафедру палеонтологии четвертичного периода на факультете естественных наук Университета Бордо, который располагается в Талансе. Он возвратился в Аквитанию, и научная фантастика от этого пострадала. Отныне он так был занят работой, что времени на занятия литературным трудом уже почти не оставалось.

В 1960 году появилось «Бегство Земли» — роман, начатый еще до войны и законченный двадцатью годами позже. В 1962-м — «Этот мир — наш».

Пьер Бамель вспоминал: «Я был в Оране, когда прочитал „Этот мир — наш“, и должен сказать, что в годы падения Французского Алжира „стальной“ закон находил в этом романе любопытный отклик. Спустя одиннадцать лет Франсис Карсак объяснил мне, что это произведение, написанное с 1952 по 1959 год, служило своеобразным намеком на Индокитай, где он жил когда-то, и что, по его мнению, любая расовая проблема может быть разрешена одной только метисацией. По ироническому совпадению он получил тогда письмо одного репатрианта, которое заканчивалось словами: „Радует уже то, что хотя

бы *вы* нас понимаете“, и письмо старого феллаха, содержавшее точно те же слова...»

В 1962 году был опубликован роман «Наша родина — космос», посвященный теме звездных ковчегов; в нем Карсак демонстрировал свой отказ от всех видов тоталитаризма.

Затем читателям пришлось ждать до 1967 года, когда им наконец выпала возможность прочесть «Львов Эльдорадо», вышедших в издательстве «Флэв нуар». (Впрочем, сам Карсак как-то раз признался своему другу Франсису Валери, что этот роман предназначался для «Рэйн фантастик», но закрытие серии в 1964 году надолго задержало публикацию. Эта информация позволяет полагать, что «Львы Эльдорадо» были написаны примерно в то же время, когда были изданы предыдущие два романа.)

Своим уровнем этот роман значительно превосходил обычные публикации, и это оказалось для «Флэв нуар» счастливой неожиданностью. Франсис Карсак написал его всего за три месяца летних каникул. В этой книге, за десять лет до того, как тема стала модным сюжетом, он встал на защиту экологии, и делал это куда более интересно, чем многочисленные сторонники экологической доктрины впоследствии.

Шло время. От пустыни Аризоны до пустынь Австралии, через землю Дордони, Франсис Карсак занимался раскопками в поисках наших предков. Его ковбойская шляпа и знаменитая трубка сделались легендарными.

Карсак написал два пролога по сорок страниц к роману «Львы Эльдорадо». Другие незавершенные рукописи уснули вечным сном в его обширной библиотеке. Он закончил лишь несколько рассказов, которые добавились к тем, что выходили в разные годы в журналах «Фиксьон» и «Сателлит». Но история первобытных людей интересовала его гораздо сильнее, а время подтачивало жизнь.

Так вот и вышло, что сочинения Карсака ограничиваются семью романами и двумя десятками новелл. Его текстами в течение нескольких десятилетий восхищались самые искушенные любители фантастики. К сожалению, начавшееся в конце 1970-х годов переиздание сочинений Карсака в издательстве «Пресс-покет» ограничилось выходом всего двух романов: «Этот мир — наш» и «Наша родина — космос». Франсису Карсаку не понравились иллюстрации к обложкам, сделанные Войтеком Сюдмаком, и он аннулировал договор.

«Я запретил им продолжать, — с возмущением объяснял сам автор. — Они поместили на обложки моих книг совершенно голых красоток, в то время как в самих текстах их нет! Это невероятно! Я не целомудрен, но не понимаю, зачем нужно помещать на обложку голых женщин, если сцен, оправдывающих это, в романе нет!»

На переделку обложки, возобновление выпуска романов у какого-нибудь другого издателя Карсаку было, похоже, наплевать...

Франсуа Борд умер от сердечного приступа 1 мая 1981 года, когда находился у своих друзей в Тусоне, штат Аризона. Его тело самолетом доставили во Францию, где оно было захоронено в семейном склепе в деревушке Карсак, в долине Дордони.

Оригинальность Борда-Карсака — как литературная, так и научная — была общепризнанной и неоспоримой, его широкая многогранная культурная деятельность простирается далеко за пределы профессиональных интересов, связанных с изучением истории первобытного общества и естественными науками — геологией, зоологией и ботаникой, — она затрагивает и современные физику с астрономией, и сравнительную этнографию, не говоря уж о военно-морском флоте, на котором он когда-то мечтал служить. Реалистическое и красочное воображение писателя — он даже сны видел «в цвете» — охватывает всю земную действительность, восходя к космическому будущему человечества, изобилующему техническими и социальными изобретениями. Это будущее в его книгах предвосхищает гипотезы и проблемы нашего времени, то удивляя своими визионерскими образами, то погружая в зловещий ужас неожиданных катаклизмов.

Покидая пределы нашей галактики, решительные и волевые земляне — а это, как правило, исследователи, врачи, геологи или этнографы — внезапно оказываются втянутыми в ту или иную переделку, с неизменным оптимизмом проходят через катастрофы и стихийные бедствия и благодаря своим врожденным талантам преодолевают все трудности, общественные или психологические, которые ставят перед ними новые непредсказуемые жизненные обстоятельства.

Именно по этим причинам — а также благодаря яркой индивидуальности автора — произведения Франсиса Карсака и сегодня пользуются успехом у читателей самого разного возраста, образования, языка и национальности.

Л. Самуйлов

Робинзоны космоса

Предупреждение

Персонажи данной истории являются вымышленными, любые совпадения имен или портретных черт с реальными людьми — случайные.

Пролог

Я не стану описывать здесь ни историю катаклизма, ни историю завоевания Теллуса: все это, изученное в мельчайших деталях, вы найдете в трудах моего брата. Я просто хочу рассказать о своей жизни. Быть может, вам, моим потомкам и потомкам моих товарищей, живущим в этом мире по праву рождения, будет интересно узнать впечатления и страдания человека, родившегося на другой планете и перенесенного сюда в результате беспрецедентного и пока не объясненного явления, человека, едва не отчаявшегося, прежде чем он смог осознать, какое чудесное приключение уготовила ему судьба.

Для чего я пишу эту книгу? Вероятно, сейчас лишь немногие из вас захотят ее прочесть, так как суть ее всем известна. Но я пишу ее главным образом для будущих поколений. Я помню, как на неведомой вам Земле, затерянной где-то в космосе, историки высоко ценили свидетельства людей, являвшихся непосредственными участниками тех или иных событий прошлого. Пройдет пять или шесть веков — и моя книга тоже будет представлять интерес, ибо это рассказ очевидца Великого Начала.

В те времена, с которых начинается мой рассказ, я еще не был тем согбенным и немного вздорным стариком, каким являюсь сейчас. Шестьдесят лет тому назад мне было всего двадцать три! Да-да, целых шестьдесят лет пронеслось с тех пор стремительным потоком. Я знаю, что уже сильно сдал: движения мои утратили былую точность, я быстро устаю и уже мало что люблю в этой жизни — разве только моих детей, внуков, быть может, еще чуть-чуть геологию да погреться на солнце — или, скорее, *на солнцах*, ибо здесь для вас светят целых два. Вот почему я спешу продиктовать моему внуку Пьеру — мои собственные руки так дрожат, что я не могу писать, — незаменимую и уникальную историю

человеческой судьбы. В этом мне помогает дневник, который я вел на протяжении всей своей жизни и который я уничтожу, как только задача моя будет окончена. Все, что важно, будет сказано здесь. А что до остального, то мне вовсе не хочется предавать порой немало садистскому любопытству историков свои скромные радости и печали.

Диктуя, я смотрю в окно, за которым колыхается на ветру пшеница, и иногда мне кажется, будто я снова на моей родной Земле, — но ровно до того момента, как я замечаю, что деревья отбрасывают две тени...

Часть первая

КАТАКЛИЗМ

Глава I

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Прежде всего — о том, кто я такой. Конечно, вы, мои ближай-
шие потомки, это и так знаете. Но скоро ваши дети и дети ваших
детей забудут даже о том, что когда-то я вообще существовал.
Много ли сам я знаю о собственном прадеде?

В июле 1985 года заканчивался мой первый год работы ассис-
тентом-лаборантом на геологическом факультете в Бордо, одном
из городов Земли. Мне тогда было двадцать три, и, хотя красавцем
меня не называли, скроен я был ладно.

Если сейчас я, согбенный старик, выгляжу жалко в этом мире
юных гигантов, то на Земле мой метр восемьдесят три сантимет-
ра и широкоплечая фигура внушали уважение. Это для вас метр
восемьдесят три сантиметра — всего лишь средний рост! Если хо-
тите знать, что я собой представлял, посмотрите на моего первого
внука Жана. Как и он, я был молодым брюнетом с большим но-
сом, длинными руками и зелеными глазами.

Год назад я был очень рад своему назначению и возвращению
в лабораторию, где за несколько лет до того впервые зарисовал ока-
менелости. Теперь меня забавляли ошибки студентов, путавших
схожие виды, которые человек искусственный различал тотчас же
и без труда.

Итак, наступил июль. Экзамены закончились, и вместе с моим
братом Полем я готовился отправиться на каникулы к нашему
дяде Пьеру Бурна, директору только что построенной в Альпах
обсерватории, гигантское (пять метров пятьдесят сантиметров
в диаметре) зеркало телескопа которой отныне позволяло фран-
цузским астрономам на равных соперничать с их американскими
коллегами. Дяде должны были помогать его ассистент Робер Ме-
нар, необычайно сведуший и неприметный мужчина лет сорока,
и целая армия астрономов, вычислителей и техников, которые

к моменту катастрофы либо еще не прибыли на место, либо находились в отпуске или в какой-нибудь поездке. Словом, рядом с дядей тогда, помимо Менара, были только два его ученика — брат и сестра, Мишель и Мартина Соваж, с которыми я тогда еще не имел чести быть знакомым.

Мишеля нет с нами уже шесть лет, а ваша бабушка Мартина, как вы знаете, покинула меня три месяца назад. В то время я не предполагал, однако же, какие чувства свяжут нас в будущем. По правде сказать, при моем довольно-таки замкнутом характере, я бы вполне удовлетворился компанией дяди и брата — Менара в расчет я не брал — и потому заранее рассматривал этих двоих как неприятное приложение, даже несмотря или, скорее, именно по причине их молодости: Мишелю тогда было тридцать, а Мартине — двадцать два.

О первых признаках приближающегося катаклизма я узнал 12 июля 1985 года, в четыре часа пополудни. Я уже практически собрал чемоданы, когда в дверь позвонили. Я открыл и увидел перед собой моего кузена Бернара Верильяка, геолога, как и сам я. Тремя годами ранее он принимал участие в первой международной экспедиции «Земля — Марс», а в прошлом году отправился в новую.

— И откуда ты на этот раз? — спросил у него я.

— Прошли без посадки по эллиптической орбите Нептуна. Как какая-нибудь комета.

— За такой короткий срок?

— Поль хорошо поработал над нашим старым «Рони» — теперь он делает две тысячи километров в секунду, и хоть бы что!

— Удачно слетали?

— Конечно! Сделали кучу потрясающих снимков. Правда, на обратном пути нам пришлось туго.

— Возникли какие-то неполадки?

— Да нет. Нас немного снесло. Поль и наш штурман-астроном Клод Ромье уверяли, что впечатление такое, будто в нашу Солнечную систему вторглась масса материи, огромная, но совершенно невидимая. Правда, Сигурд думает по-другому, а наш журналист Рэй Макли вообще уверяет, что мы просто выпили лишнего в честь ухода с орбиты Нептуна и поэтому все наши расчеты никуда не годятся.

Он взглянул на часы:

— Двадцать минут пятого. Ну, мне пора. Счастливо отдохнуть! Сам-то когда собираешься с нами? Следующая цель — спутники Юпитера. Работы там, как понимаешь, хватит и для двух геологов — а может, и их окажется мало! Получишь прекрасную тему для диссертации — из тех, каких еще ни у кого не бывало. Ну да ладно, обсудить это мы еще успеем. Как-нибудь летом я намерен навеститься к твоему дяде.

Дверь за ним закрылась. Больше мы так никогда и не свиделись! Старина Бернар!.. Вероятно, он уже умер. Сейчас ему было бы девяносто шесть. Правда, Бернар уверял, что марсиане умеют увеличивать срок жизни почти вдвое, и, возможно, он еще жив и странствует где-то в космосе. Знал бы он, что меня ждет, он бы со мной наверняка не расстался!

В тот же вечер мы с братом сели в поезд и уже на следующий день, часа в четыре пополудни, прибыли на вокзал... впрочем, название этого места, которое я не записал, а сейчас уже и не помню, не так уж и важно. Это была маленькая, незначительная станция. Нас ожидали. Долговязый блондин, еще более высокий, чем я, стоявший прислонившись к капоту авто, помахал нам рукой. Мы подошли, и он представился:

— Мишель Соваж. Ваш дядя извиняется, что не смог вас встретить, но у него важная и срочная работа.

— Что-то новое среди туманностей? — спросил мой брат.

— Да нет, не среди туманностей. Скорее уж, во всей Вселенной. Вчера вечером я хотел сфотографировать туманность Андромеды — есть там одна недавно открытая сверхновая звезда. Сделав расчет, я включил автоматику большого телескопа, но, к счастью, из чистого любопытства заглянул в «искатель» — маленькую подзорную трубу, укрепленную параллельно с большим объективом. И Андромеды там не оказалось! Я ее обнаружил... в восемнадцати градусах от ее обычного положения!

— Ну и ну! — живо откликнулся я. — А знаете, не далее как вчера Бернар Верильяк сказал мне...

— Так он вернулся? — перебил меня Мишель.

— Да, с орбиты Нептуна. Так вот, он сказал, что они ошиблись в расчетах или же что-то отклонило корабль на обратном пути.

— Месье Бурна это будет крайне интересно...

— Бернар должен заскочить в обсерваторию летом. Пока же я могу написать ему, попросить, чтобы сообщил подробности...

Пока мы так болтали, машина стремительно неслась по долине. Рядом с шоссе проходила железная дорога.

— Так теперь поезд идет до самой деревни?

— Нет, эту линию проложили совсем недавно к заводу легких металлов, который достался нам по наследству. К счастью, он полностью электрифицирован — шел бы дым, пришлось бы переносить либо завод, либо обсерваторию.

— И большой он, этот завод?

— Сейчас там триста пятьдесят рабочих, но в будущем их должно стать как минимум вдвое больше.

Мы выехали на извилистую дорогу, поднимающуюся к обсерватории. У подножия небольшой горы, на которой она стояла, раскинулась высокогорная долина с маленькой симпатичной деревушкой. Чуть выше деревни виднелся поселок из сборных домиков, сгрудившихся вокруг завода. Вдаль, за гребни гор, уходила линия высокого напряжения.

— Ток идет от плотины, построенной специально для завода, — объяснил Мишель. — Мы сами получаем электричество от нее.

Прямо у подножия холма, на котором стояла обсерватория, возвышались дома моего дяди и его ассистентов.

— А за эти два года тут многое изменилось! — заметил мой брат.

— Вечером за столом намечается большая компания: ваш дядя, Менар, вы двое, мы с сестрой, биолог Вандаль...

— Вандаль? Я знаю его с самого детства! Он старый друг нашей семьи.

— Он здесь с одним из своих коллег по Медицинской академии, знаменитым хирургом Массакром.

— Занятая фамилия для хирурга!¹ — пошутил мой брат Поль. — Брр! Не хотел бы я у него оперироваться...

— И напрасно. Это самый искусный хирург Франции, а может, и всей Европы. С ним, кстати, приехал один из его друзей — и одновременно учеников — антрополог Андре Бреффор.

— Тот самый Бреффор, что занимается патагонцами? — спросил я.

— Так точно. Словом, каким бы просторным дом ни был, сейчас все комнаты в нем заняты.

---

¹ *Массакр* (Massacre) — калечение, истребление (*фр.*).

Сразу же по прибытии я прошел в обсерваторию и постучался в дверь кабинета дяди.

— Войдите! — проревел он, но, увидев меня, смягчился. — А, это ты!..

Поднявшись из кресла во весь свой гигантский рост, он заключил меня в медвежьи объятия. Таким я вижу его и сейчас: седые волосы и брови, черные как уголь глаза, широкая черная-пречерная борода, веером опускающаяся на жилет.

Робкое «добрый день, месье Бурна!» заставило меня сделать полуоборот: у своего стола, заваленного листками с алгебраическими формулами, стоял Менар. То был невысокий мужчина в очках, с козлиной бородкой и огромным морщинистым лбом. Под столь незначительной внешностью скрывался человек, знавший с десяток языков и способный извлекать немислимые корни, человек, которому самые дерзкие теории физики и математики были так же ясны, как мне — бурдигальские ярусы в окрестностях Бордо. В этом мой дядя, превосходный исследователь и экспериментатор, не годился Менару даже в подметки, зато вдвоем они составляли могучую пару в области астрономии и атомной физики.

Стрекот пишущей машинки привлек мое внимание к другому углу.

— Ах да! — спохватился дядя. — Забыл тебя представить. Мадемуазель, это мой племянник Жан, бездельник, так и не научившийся точному счету. Позор нашей семьи!

— Не один же я такой, — возразил я. — Поль в арифметике смыслит не больше меня!

— Тут ты прав, — признал дядя. — И это притом что их отец щелкал интегралы как орехи! Хиреет наш род, хиреет... Впрочем, с ними тоже не все так плохо. Жан обещает стать прекрасным геологом, а Поль, я надеюсь, кое-что все же понимает в этих его ассирийцах.

— В индусах, дядюшка, в индусах!

— Да какая, в общем, разница: что одни полный сброд, что другие! Жан, это Мартина Соваж, сестра Мишеля, наша ассистентка.

— Как поживаете? — произнесла девушка, протягивая мне руку.

Я пожал ее, не успев даже толком прийти в себя. Я ожидал увидеть остроносую лабораторную крысу в очках, а передо мной стояла крепкая девушка с фигурой греческой статуи и столь пра-

вильным лицом, что его совершенство приводило в отчаяние. Впрочем, лоб, возможно, был чуть низковат, но под ним сияли восхитительные серо-зеленые глаза, а обрамляли его длинные пряди на удивление черных — ведь брат ее был блондином! — волос. Ее нельзя было назвать хорошенькой. Нет, она была по-настоящему красива, красивее всех женщин, каких я когда-либо видел.

Ее рукопожатие было дружеским и коротким, и она сразу же снова погрузилась в свои расчеты. Дядя увлек меня в сторону.

— Вижу, Мартина произвела на тебя впечатление, — усмехнулся он. — Впрочем, как и на всех, кто ее видел; полагаю, дело тут в контрасте с этим местом. А теперь извини меня, но мне еще до вечера нужно закончить работу, чтобы подойти к ночным наблюдениям во всеоружии. Как тебе известно, персонал я все еще не набрал. Ужинаем мы в половине восьмого.

— И как важная работа? — спросил я. — Мишель сказал, происходят какие-то странные явления...

— Странные! Эти явления опрокидывают всю нашу науку! Ты только представь себе это: туманность Андромеды, отклонившаяся на восемнадцать градусов от своего обычного положения! Одно из двух: либо эта туманность действительно сдвинулась, но тогда она должна развить скорость физически невозможную, потому что еще позавчера она была на своем месте, либо, как полагаем я и мои коллеги из Паломарской обсерватории, свет этой туманности отклонился из-за какого-то феномена, которого позавчера еще не было. И не только ее свет, но и всех звезд, расположенных в том же направлении, свет Нептуна, возможно, даже... Из всех гипотез наименее абсурдной кажется следующая: ты, конечно же, знаешь — или, скорее, наоборот, не знаешь, — что луч света способен отклонить мощное гравитационное поле. Сейчас все происходит так, как если бы где-то в Солнечной системе, между Андромедой и нами, появилась некая огромная масса материи и эта масса невидима! Это глупо, невысказано, но тем не менее это так!

— Бернар мне говорил, что когда они возвращались из своей последней экспедиции...

— Ты его видел? Когда?

— Вчера.

— А когда он вернулся?

— Позапрошлой ночью, и как раз с орбиты Нептуна. Так вот, он говорил, что, по всей видимости, их тоже что-то отклонило...

— Насколько? И когда?

— Этого я у него не спросил. Он забежал буквально на минутку и снова умчался. Но он заедет сюда этим летом!

— Этим летом! Право же! Этим летом! Составь телеграмму: пусть немедленно приезжает со всеми своими товарищами и бортовым журналом. Сын садовника отнесет ее на почту. Быть может, в этом и кроется разгадка тайны? Этим летом! Давай беги! Да что же ты стоишь, ей-богу!..

Я мигом исчез, набросал телеграмму, и малыш Бенуа убежал с нею в деревню. Получил ее Бернар или же нет, мне так и не суждено было узнать.

Когда я добрался до дома дяди, все гости были уже в сборе. Первым мне попался на глаза Вандаль, который был моим учителем, когда я еще готовился к экзаменам на аттестат зрелости: высокий и сутуловатый, он был совершенно сед, хотя тогда ему было не более сорока пяти лет. Он представил меня своему другу Массакру, невысокому смуглому мужчине с округлыми жестами, и Бреффору, костистому и молчаливому верзиле.

Ровно в семь двадцать прибыли мой дядя и его свита, в половине восьмого мы сели за стол.

За исключением моего дяди и Менара, выглядевших заметно встревоженными, мы все были веселы, даже Бреффор, не без юмора рассказавший, как ему едва удалось избежать, конечно, весьма почетной, но не слишком приятной женитьбы на дочери вождя племени она с Огненной Земли. Я же, словно зачарованный, не сводил глаз с Мартины. Когда она была серьезна, ее прелестное личико напоминало застывшую маску мраморной статуи, но когда смеялась, откидывая назад голову и отбрасывая тяжелую копну волос, глаза ее сверкали, и она была чудо как хороша!

Впрочем, в тот вечер я не долго наслаждался ее обществом. В четверть девятого дядя встал из-за стола и подал ей знак. Они удалились вместе с Менаром, и через окно я увидел, как они направляются к обсерватории.

Глава 2

КАТАКЛИЗМ

Мы вышли на террасу, чтобы выпить кофе. Вечер был тихий. Далеко на западе заходящее солнце окрашивало в красный цвет высокие горы. Мишель говорил о всеобщем безразличии к астро-

номическому изучению планет с тех пор, как экспедиция Поля Бернадака начала изучать их, как говорится, «на местах». Вандализм ввел нас в курс последних открытий в области биологии. Наступила ночь. Над горами висел полумесяц, мерцали звезды.

С темнотой пришла прохлада, и мы вернулись в гостиную, но свет зажигать не стали. Я сел лицом к окну рядом с Мишелем. И сейчас, после стольких лет, я с поразительной ясностью помню мельчайшие подробности этого вечера! Я видел четко вырисовывавшийся на фоне ночного неба купол обсерватории, по бокам которого располагались небольшие башенки со вспомогательными телескопами. Общий разговор вскоре распался на уединенные беседы; я говорил с Мишелем. Даже не знаю почему, но на душе у меня было легко и радостно. Мне казалось, что я ничего не вешу, и мне было столь же комфортно в моем кресле, как бывает прекрасному пловцу в воде.

В обсерватории загорелось, погасло, снова загорелось небольшое оконце.

— Я нужен патрону, — сказал Мишель. — Придется идти.

Он взглянул на светящийся циферблат своих часов.

— Который час? — спросил я.

— Одиннадцать тридцать шесть.

Он встал, и — к его и нашему величайшему изумлению — это простое движение отбросило его к расположенной в добрых трех метрах стене.

— Но... Я же совсем ничего не вешу!

Я тоже поднялся и, несмотря на все предосторожности, врезался головой прямо в стену.

— Ну и дела!

Со всех сторон неслись удивленные возгласы. Какое-то время мы вихрем кружились по гостиной, словно пылинки, подхваченные ветром. У всех нас возникло одно и то же тревожное ощущение, некое внутреннее опустошение, головокружение, практически полная утрата понимания того, где теперь верх, где низ. Цепляясь за мебель, я кое-как добрался до окна. Нет, этого не могло быть, — должно быть, я сошел с ума!

Казалось, звезды отплясывают бешеную сарабанду, как это делают их отражения в бурной воде. Они мерцали, разгорались, угасали, снова вспыхивали, резко перемещались с места на место.

— Смотрите! — воскликнул я.

— Конец света, — простонал Массакр.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Самуйлов. Человек-Гора французской фантастики</i>	5
<i>РОБИНЗОНЫ КОСМОСА. Роман. Перевод Ф. Мендельсона</i>	13
<i>БЕГСТВО ЗЕМЛИ. Роман. Перевод Ф. Мендельсона, Л. Самуйлова</i> ..	179
МИР ЭЛЬДОРАДО	
<i>Горы Судьбы. Повесть. Перевод Ф. Мендельсона, Л. Самуйлова</i>	363
<i>Чистые руки. Повесть. Перевод Л. Самуйлова</i>	404
<i>Львы Эльдорадо. Роман. Перевод Ф. Мендельсона, Л. Самуйлова</i>	441
РАССКАЗЫ	
<i>Штриховка. Перевод Л. Самуйлова</i>	647
<i>Генезис. Перевод Л. Самуйлова</i>	653
<i>Человек, который говорил с марсианами. Перевод Л. Самуйлова</i>	655
<i>Мертвые пески. Перевод Л. Самуйлова</i>	660
<i>Поцелуй жизни. Перевод Л. Самуйлова</i>	677
<i>Первая империя. Перевод В. Каспарова</i>	696
<i>Голос волка. Перевод Л. Самуйлова</i>	707
<i>Прашур. Перевод Л. Самуйлова</i>	726
<i>Человек, который захотел стать богом. Перевод Л. Самуйлова</i>	730